
Кассандра Лэйтс.
Неизбежность.
Книга 5
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Кассандра Лэйтс

Неизбежность. Книга 5. Осознание

«Автор»
2026

Лэйтс К.

Неизбежность. Книга 5. Осознание / К. Лэйтс — «Автор», 2026

В девятнадцать лет она была дочерью мятежника, прошедшей через плен, боль и клеймо. Ему двадцать один. Он — король, садист и монстр, который не умеет любить. Их история началась в пыточной и продолжилась на поле боя. Теперь, спустя месяцы разлуки, они снова стоят друг перед другом — с теми же шрамами, той же одержимостью и тем же вопросом: можно ли построить «навсегда» на руинах?Это тёмный роман о власти и подчинении, о любви, которая не спасает, а переплетает. О двух людях, которые не умеют отпускать — и не хотят.Книга содержит описание откровенных BDSM практик. Пожалуйста, читайте с осторожностью.

© Лэйтс К., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Конец ознакомительного фрагмента. 17

Кассандра Лэйтс
Неизбежность. Книга 5. Осознание

Глава 1

Неизбежность. Книга 5. Осознание.
Это так красиво
Когда двое против всех и всего мира
Нам не хватит, ну и пусть сгорят дотла
Все мосты и города, где мы с тобой не вместе
Не вместе навсегда
Norma Tale - Красиво.
Глава 1
«Кто-то приходит, когда его не ждут. И это меняет всё»

Окраины Тэраса.
Восемь месяцев спустя
Сильвана
1

Прошло восемь месяцев.

Я не считала дни. Они сами утекали, как снег сквозь пальцы, оседали где-то позади, заметая дорогу, по которой я уехала. Иногда я ловила себя на том, что смотрю в окно и жду. Не его. Нет. Просто… жду. Как ждут перемены погоды. Как ждут, когда заживает рана, оставленная не ножом, а чем-то куда более глубоким.

Дом стоял на окраине Тэраса. Маленький, каменный, с просевшим крыльцом и печью, которая дымила, если ветер дул с востока. Но он был наш. Мой и отца.

Роланд нашёл его через каких-то своих знакомых, помог с бумагами, дал денег. Сказал, что так надо. Что мне нужно тихое место. Что море лечит.

Наверное, он был прав. Море действительно лечило. Просто не от того, от чего я надеялась.

Первые месяцы были самыми трудными.

Я просыпалась среди ночи и не понимала, где нахожусь. Тянулась рукой в пустоту, искала его — но рядом была только холодная простыня. Потом лежала, глядя в потолок, и слушала, как за окном шумит прибой. И в этом шуме мне слышался его голос. Не слова. Просто интонация. Та самая, с которой он говорил: «Ты моя».

И от этого становилось ещё тоскливее.

Я не плакала. За все месяцы — ни разу. Ни когда выходила из машины на побережье. Ни когда распаковывала вещи. Ни когда поняла, что оставила в Ниамате ту, прежнюю себя.

Слёзы просто не приходили. Будто внутри что-то пересохло. Будто я разучилась.

И это было страшнее любых рыданий.

Роланд и Лианна побыли с нами какое-то время.

Они сделали для меня всё, что могли. Нашли дом. Помогли с деньгами. Посидели со мной в те первые, самые пустые недели, когда я не могла есть, не могла спать, не могла говорить. Роланд шутил, как всегда. Лианна молчала, как всегда. И оба смотрели на меня так, будто я могла рассыпаться в любой момент.

Возможно, так и было.

А потом они вернулись в столицу. Роланд сказал, что им нужно обратно. Не потому, что хотели. А потому, что, как он выразился, «у этого психа совсем крышу снесёт, если я не вернусь». Он говорил о Диаманте. И в его голосе, под привычной насмешкой, я слышала то, что он не договаривал: он всё ещё любил его. Как брата. Как друга. Как человека, которого не бросают, даже когда он сам себя разрушает.

Я не стала спорить.

Проводила их до машины. Лианна плакала, обнимая меня. Роланд курил и смотрел на море. Потом потрепал меня по волосам, как ребёнка, и сказал:

— Если что — приезжай. Дверь всегда открыта. Ну, или окно. Ты же у нас по окнам мастерица.

Я улыбнулась. Впервые за долгое время.

Они уехали. Я осталась.

Вдвоём с отцом.

Мы жили тихо. Он чинил крыльцо. Я варила кофе. Он читал газеты, которые привозил из города. Я возилась в маленьком саду, который так и не вырос. По вечерам мы сидели у печи, и он рассказывал о Колтрейне — сказки, легенды, просто интересные истории.

Я слушала. Иногда — улыбалась. Иногда — просто смотрела в огонь.

Он никогда не говорил о Диаманте. Знал, что не нужно. И я была благодарна ему за это. Потому что если бы он спросил о нём — мне пришлось бы соврать.

А врать отцу я не хотела.

Те двое, что ехали за нами во второй машине, в столицу так и не вернулись.

Тибор и Гаральт числились дезертирами. Оба понимали, что за это полагается, и оба рассудили, что королевский гнев переживёт их отсутствие легче, чем их присутствие. Сарай на улице кожевников они с отцом сняли в первый же месяц. К осени у них стояла очередь: кому замок починить, кому клинок наточить, кому подогнать ножны по руке. Отец говорил, что в мастерской отдыхает: там никто не спрашивает, чей ты отец и почему у твоей дочери живёт кот с королевским именем.

Тибор женился в конце лета. Невеста приехала из-под Бьорна с двумя сундуками и с тёщей; свадьбу играли во дворе мастерской, на вертеле крутился целый баран, а Гаральт, который до того в рот не брал, к полуночи плясал с метлой. Тибор поднимал тост за тостом и каждый раз начинал одинаково: «Моя жена», будто до сих пор не мог поверить.

Иногда они приезжали к нам — пропахшие железом и маслом, с гостинцами вроде нового точильного камня. Тибор называл меня леди нарочно, чтобы позлить. Гаральт садился у печи, долго молчал, потом спрашивал, не нужно ли чего по хозяйству, и чинил, не дожидаясь ответа.

Про Диаманта при мне они не заговаривали. Только раз Гаральт обмолвился, что в столице, слышно, всё по-прежнему, и тут же замолчал. Я не стала спрашивать. Мне было легче не знать.

Я не смогла отпустить.

Это не было навязчивой мыслью. Не было болью, от которой невозможно дышать. Нет. Это было что-то тихое, как шум прибоя. Оно всегда было где-то рядом. В запахе дождя. В скрипе половиц. В том, как снег ложился на ветки.

Я не ждала его. Но и не забывала. Я просто жила. И каждый день помнила.

Помнила, как он улыбался, когда думал, что я не вижу. Как он пел у костра. Как его пальцы касались струн, а потом — моей шеи. Как он трахал меня так, что я забывала собственное имя. Как он, уже после, лежал рядом и молчал, и в этом молчании было больше, чем в любых словах.

Я помнила всё. И это никуда не уходило.

Но я жила.

Он снился мне.

Не часто. Раз в месяц. Иногда — реже. Но каждый раз это было так ярко, так осязаемо, что, просыпаясь, я не сразу понимала, где нахожусь. Его руки. Его голос. Его запах. Всё это возвращалось, как прилив. И отступало, оставляя после себя мокрый след.

Той зимой, под Новый год, я сидела у окна и смотрела, как падает снег.

Он был густым, тяжёлым, будто небо решило вывалить на землю всё, что копило годами. Дом дышал теплом. Печь потрескивала. Где-то в соседней комнате тикали часы.

Отца не было. Он уехал накануне, сказал, что вернётся до бури. Но буря пришла раньше. Я не тревожилась. Он был осторожен. И дороги пока что были проходимыми.

Просто сидела, укутавшись в плед, и слушала, как за окном воет ветер.

В такие вечера особенно остро чувствовалось одиночество. Не то, которое пугает. А то, которое напоминает: у тебя есть прошлое. И оно не отпускает.

Я налила себе чаю. Он был горячим, терпким, с привкусом мяты. Я пила медленно, глядя, как снежинки бьются в стекло, как ветер раскачивает голые ветви, как сугробы растут у крыльца. Где-то вдалеке, наверное в порту, гудел корабль. Низкий, протяжный звук, похожий на стон. И в этом стоне было что-то до боли знакомое.

Я не хотела думать о нём. Но, как всегда, не могла не думать. Снова и снова я вспоминала те вечера. В Рокуэлле. В Морвене. В лагере во время войны. Боль. Страсть. Любовь. И в этой памяти было столько тепла, что оно обжигало сильнее холода.

Я поставила чашку на подоконник. Подошла к печи, подбросила дров. Огонь вспыхнул, загудел, и по комнате разлился жёлтый, дрожащий свет. Я села на пол, ближе к теплу, обхватила колени. Кот, спавший на кресле, приоткрыл один глаз, посмотрел на меня, потом снова зажмурился.

За окном темнело. Буря набирала силу.

А я сидела и слушала, как воет ветер, как трещит огонь, как тикают часы. И не знала, что эта ночь изменит всё. Не знала, что он уже в пути. Не знала, что снег не остановит его. Не знала, что через несколько часов я услышу скрип тормозов. И выйду на крыльцо. И увижу его.

Но до этого ещё было время.

А пока — только снег. И я. И тишина, которую я научилась переносить.

2

Я готовила ужин.

Ничего сложного: овощи, немного мяса, хлеб, который ещё вчера привёз отец. Нож мерно стучал по доске, и этот звук был почти уютным. За окном уже окончательно стемнело, и снег валил так, что не видно было ни дороги, ни пейзажа вокруг. Только белая, дрожащая стена, в которой изредка мелькали тени деревьев.

Я включила телевизор.

Он стоял на кухне, на полке у окна. Экран мигнул, засветился, и по комнате поплыл негромкий голос диктора. Передавали погоду. Снова. Уже третий раз за вечер.

«…снежная буря усиливается. В ближайшие часы дороги будут заметены. Движение на восточных трассах будет закрыто. Водителям рекомендуется оставаться дома и не выезжать за пределы населённых пунктов…»

Я вытерла руки полотенцем, подошла к окну. Снег не просто падал. Он летел как сумасшедший, застилая всё. Ветер то стихал, то налетал с новой силой, и тогда стекло дрожало, как живое.

Я поёжилась. В такие вечера особенно остро чувствуется, что дом — это не просто стены. Это то, что отделяет тебя от белого, воющего небытия.

Телефон зазвонил.

Я вздрогнула. Потом усмехнулась — сама над собой. В этом доме, в этой тишине любой резкий звук казался событием.

— Да, — сказала я, прижав трубку к уху.

— Сильвана.

Отец. Голос глухой, с лёгким треском помех. Где-то рядом с ним шумел ветер.

— Ты где? — спросила я.

— В городе. Точнее, собирался выехать, а дорога уже встала. Вон, даже связь перебивается.

— Ты успеешь?

— Нет. — Он помолчал. — Я у Гаральта, в мастерской. Пережду бурю. Завтра с утра попробую вернуться.

Я выдохнула. Облегчение. И лёгкий укол одиночества.

— Хорошо, — сказала я. — Только не вздумай ехать ночью.

— Не вздумаю. — Он хмыкнул. — Я слишком стар, чтобы застревать в сугробе.

— Ты не старый.

— Знаю. Но осторожный.

Я улыбнулась. Он всегда так говорил, когда хотел меня успокоить.

— Дом в порядке? — спросил он.

— Да. Топлю печь. Ужин готовлю. Кот дрыхнет.

— Кот — умный.

— А я — нет?

— Ты — моя дочь. Поэтому точно не глупая. Просто иногда слишком смелая.

— Это комплимент?

— Это предупреждение. — В его голосе слышалась улыбка. — Не выходи из дома. Буря сильная. И если свет вырубится — не пугайся, свечи в верхнем ящике.

— Я помню.

— Вот и славно.

— И скажи Гаральту, чтобы не доставал настойку, — добавила я. — Я помню, чем это кончилось на свадьбе Тибора.

— Он уже достал, — вздохнул отец. — Но я держусь.

Мы помолчали. Слышно было, как за его спиной воет ветер, как хлопает какая-то дверь.

— Я люблю тебя, — сказал он.

— Я тоже, — ответила я.

Он отключился.

Я ещё несколько секунд стояла, прижимая телефон к уху, хотя там уже шли гудки. Потом медленно опустила руку и оглядела кухню.

Тёплая. Тихонько булькал суп на плите. Телевизор всё ещё говорил о погоде. Кот спал, свернувшись клубком.

Я была одна. И эта мысль не была горькой, но и не была сладкой. Просто факт. Как снег за окном. Как ночь, которая наступила слишком быстро.

Я выключила телевизор. Налила себе ещё чаю. Подошла к окну.

Там, за стеклом, бушевала белая стихия. Снег уже не падал — он летел, кружил, застилал всё. Дорога исчезла. Только сугробы, которые росли на глазах.

Дом скрипел. Старое дерево, осевшее под порывом ветра. Я провела ладонью по стеклу — оно было ледяное. Там, за окном, ничего. Только снег. Только тьма. Только белая, слепая ярость зимы.

Я прошла по дому, проверила замки. Больше по привычке, чем из страха. Здесь, на окраине, редко случались беды. Но отец всегда говорил: «Запертая дверь — это не трусость. Это уважение к собственному покою».

Я улыбнулась, вспомнив.

В гостиной было тепло. Печь гудела, как живая. Я подбросила ещё дров, посмотрела, как пламя лижет тёмные поленья. Кот проснулся, спрыгнул с кресла, потёрся о ногу. Я наклонилась, погладила. Он замурлыкал, как маленький моторчик.

— Ну что, — сказала я, — будем ждать.

Он не ответил. Только прищурился.

Я устроилась в кресле у печи, укуталась в плед. Взяла книгу, но читать не стала. Просто сидела, слушала, как воет ветер, как трещит огонь, как снег бьётся в окна.

Тишина не была пустой. Она была полной. Полной прошлого, воспоминаний, того, что я так и не смогла отпустить.

Часы тикали. Снег всё усиливался. И где-то глубоко, под рёбрами, росло смутное, беспричинное предчувствие. Такое, какое бывает перед грозой. Или перед чьим-то появлением. Похожее на то, что возникло в Колтрейне, в то утро, когда меня захватили люди Диаманта. Я тут же отогнала эту мысль.

Я не знала, чего жду.

Но ночь обещала быть долгой.

3

Я услышала его раньше, чем увидела.

Звук мотора. Низкий, злой, как рык зверя, пробирающийся сквозь вой бури. Он был чужой для этого места. Громкий. Резкий. Наглый для этой тишины, в которой я научилась жить.

Я остановилась у печи, не донеся полено до огня. Рука повисла в воздухе. Пальцы сжали дерево так, что кора впилась в ладонь. Сердце сжалось, а потом стукнуло — быстро, неровно, будто почуяло то, во что я не позволяла себе верить.

Нет.

Я не думала. Не смела. Но тело уже знало. Оно всегда знало раньше меня.

Скрип тормозов.

Короткий, визгливый, с металлическим воем. Так резко может остановиться только тот, кто не привык ждать. Кто не боится ни снега, ни тьмы, ни чужого покоя.

Я поднялась. Полено выпало из руки и стукнуло о пол — глухо, как удар сердца. Кот, дремавший в кресле, вскочил, прижал уши и метнулся под стол. Я не стала его успокаивать.

Медленно, как во сне, я подошла к двери. Отодвинула засов. Холодный воздух ударил в лицо, и снег ворвался внутрь, как белый дым. Он обжёг щёки, ресницы, горло. Я вдохнула — и не почувствовала холода.

Потому что уже знала, кого увижу.

Во дворе было светло от снега.

И в этой белой, дрожащей пелене стоял он.

Машина — чёрная, низкая, как хищник, припавший к земле, — ещё дымилась паром. Фары резали ночь, высвечивая кружащие снежинки. Дверца была распахнута. А он уже шёл ко мне.

Диамант.

Он выходил из бури, как порождение самой зимы. Высокий. Собранный. Снег путался в его чёрных волосах, оседал на плечах, на ресницах. Он был в том самом чёрном пальто, которое я помнила, с тёмным шарфом, небрежно обмотанным вокруг шеи. Ни перчаток. Ни шапки. Как будто холод не имел над ним власти.

Ярко-голубые глаза — те самые, от которых я когда-то не могла отвести взгляд, — смотрели прямо. Без смущения. Без вины. С той самой холодной, порочной красотой, которую невозможно было ни забыть, ни простить.

Идеальные черты лица, точёные скулы, губы, изогнутые в лёгкой усмешке.

Он был такой же, как всегда. Слишком красивый. Слишком уверенный. Слишком… свой.

Он остановился в шаге.

— Привет, — сказал он.

Просто.

Будто мы расстались вчера. Будто не было этих восьми месяцев. Будто он не выгонял меня. Будто я не уезжала. Будто ничего не случилось.

Я не могла пошевелиться. Смотрела на него, как смотрят на видение. Сердце частило. Несмотря на морозную свежесть, стало нечем дышать. Всё, что я похоронила за это время, поднималось разом — злость, боль, голод, тоска. Они вскипали во мне, как лава, и я не знала, что сделаю раньше: ударю его или разрыдаюсь.

Он смотрел на меня. Тем самым взглядом. Ленивым, цепким, с прищуром человека, который знает, что ему рады. Даже если в это не верят.

— На улице холодно, — произнёс он, не дождавшись ответа.

Я молчала.

— Но я так и быть разрешаю тебе зайти внутрь. — В голосе его была знакомая до мурашек насмешка. — И не говори, что не скучала. По глазам вижу, скучала.

Он шагнул вперёд. Толкнул меня плечом — не грубо, но так, что я качнулась. И вошёл в дом. Просто. Как будто имел на это право. Как будто этот дом был его.

Я осталась стоять в дверях. Снег залетал внутрь, ледяными крупинками касался лица, но я не чувствовала холода. Внутри всё кипело. Шок. Злость. И то самое, невысказанное, что я так долго пыталась задавить.

Он здесь. После всего. Без предупреждения. Без объяснений. Без единого «прости». И ведёт себя так, будто не прошло ни дня.

— Закрой дверь, — донеслось изнутри. — Или хочешь, чтобы дом замело?

Я сглотнула. Руки дрожали. Не от холода. От него. От его присутствия. От того, как легко он вошёл в мою жизнь — и как легко она, оказывается, снова ему подчинилась.

Я медленно закрыла дверь. Задвинула засов. И шагнула внутрь.

4

Колени тряслись, голова шла кругом. Я держалась за стену, чтобы не потерять равновесие — не от холода, от него. От того, как легко он вошёл в мой дом. В мою жизнь. В меня.

Он уже стоял посреди кухни, как хозяин, который вернулся после долгой отлучки и теперь оценивает, не развалилось ли всё без него. Снег таял на его пальто, оставляя на полу тёмные капли. Он не спеша оглядывался — по-хозяйски, лениво, с той самой усмешкой, от которой у меня в груди всё закипало. Скинул пальто и не глядя бросил его на кресло.

— Мило, — сказал он. — Уютно. Печка. Кот. Прямо идиллия.

Кот, будто поняв, что говорят о нём, высунул нос из-под стола и тут же спрятался обратно.

Я сжала кулаки.

— Зачем ты здесь? — спросила я.

Он не ответил. Вместо этого подошёл к плите, заглянул в кастрюлю.

— Овощи, — протянул он. — Мясо. Хлеб. Идеальный ужин для примерной домохозяйки. Только вот беда — домохозяйка у нас, как выяснилось, с норовом.

— Ты не имеешь права…

— А как же. — Он потянулся, снял крышку, вдохнул. — Я голоден. Дорога была долгой. Снег, буря, ни одного приличного трактира. Пришлось ехать к тебе.

— Пришлось? — Я шагнула к нему. — Ты приехал, потому что тебе пришлось?!

— Ну, — он пожал плечами, — не потому же, что соскучился.

— Тогда уезжай, — сказала я. — Прямо сейчас. Садись в свою машину и уезжай.

— В бурю? — Он приподнял бровь. — Как негостеприимно.

— Мне плевать на гостеприимство.

— А на меня?

— Особенно на тебя.

Он усмехнулся.

— Врёшь, — сказал он. — Если бы тебе было плевать, ты бы уже вытолкала меня за дверь. Точнее, попыталась. Но ты стоишь и смотришь. И злишься. А это значит только одно.

— И что же?

— Ты всё ещё моя.

Я задыхалась.

— Я не твоя! — выкрикнула я. — Я давно не твоя! Я уехала! Ты сам меня выгнал!

— Я не выгонял. Я отправил тебя в Морвен.

— Под охраной! Как преступницу!

— Как женщину, которая не умеет сидеть на месте. — Он пожал плечами. — И, как видишь, я был прав. Ты даже до Морвена не доехала.

— Потому что не хотела!

— А я не хотел, чтобы ты уезжала совсем. — В его голосе, впервые за вечер, прорезалось что-то похожее на серьёзность. — Но ты снова всё сделала по-своему. Ну сколько можно?

Я смотрела на него. Внутри всё бушевало. Он говорил так, будто это я была виновата. Будто это я сбежала. Будто это я сломала всё.

— Ты не имел права, — сказала я, и голос мой дрогнул. — Ни тогда. Ни сейчас. Ты выбросил меня, как вещь. Как игрушку, которая надоела. И это уже не в первый раз.

— Я не выбрасывал.

— А как это называется? — Я шагнула к нему. — «Мне никто не нужен»? «Завтра ты уедешь»? Это не выбрасывание?

— Это была защита, — он не отвёл взгляда.

— Защита? — Я рассмеялась. Зло. Нервно. — Ты защищал меня, отсылая прочь? Или себя?

Он молчал.

— От чего ты бежал, Диамант? — продолжила я. — От меня? От того, что я видела тебя сломленным? От того, что я нужна тебе?

— Я не бежал.

— Ты бежал. И бежишь до сих пор. Только теперь тебе некуда.

Он смотрел на меня.

В его глазах, под слоем холода, что-то дрогнуло. Но он не ответил. Просто подошёл к столу, рухнул на стул, закурил. Так, будто этот ужин, этот дом, этот вечер — всё было устроено ради него. Будто я ждала его всё это время, чтобы теперь подать на стол.

— Можешь накладывать, — сказал он, откидываясь на спинку. — И не забудь вино. Если, конечно, у тебя есть что-нибудь, кроме кислятины.

Я не выдержала.

Бросилась на него. Всё, что копилось месяцами — гнев, боль, одиночество, невысказанные слова, — рванулось наружу. Я ударила его. Кулаком. В грудь. Потом ещё. Ещё. Я била как сумасшедшая, не разбирая куда.

— Садист! — кричала я. — Насильник! Ненавижу! Ненавижу тебя!

Он не оттолкнул. Только перехватил мои запястья, сжал, удерживая. Хватка была крепкой, но не грубой. Он не давал мне вырваться, но и не причинял боли. Просто держал. И смотрел. И в этом взгляде, спокойном, как ледяная вода, было что-то, отчего я выдохлась быстрее, чем от собственных ударов.

— Ненавижу, — повторила я, уже тише.

— Знаю. — Он чуть сжал мои руки. — Но ты всё ещё здесь. И, судя по глазам, рада меня видеть.

— Ты ошибаешься.

— Я никогда не ошибаюсь.

Я рванулась. Он не отпустил. Только притянул ближе, так, что мои кулаки упёрлись ему в грудь. Я почувствовала его запах — мороз, кожа, его одеколон. И от этого голова пошла кругом.

— Пусти, — шепнула я.

— Нет. — Он смотрел на меня в упор. — Сначала посмотри на меня.

— Я смотрю.

— Нет. Ты злишься. А я хочу, чтобы ты увидела.

— Что?

— Что я здесь. Что я приехал. Что ты не одна.

Я стояла, не шевелясь. Внутри всё дрожало. Его лицо было так близко, что я видела, как снежинка тает на его реснице. Как блестят его глаза. Как приоткрыты губы, те самые, которые я столько раз целовала.

— Ты придурок, — выдохнула я.

— Знаю. — Он улыбнулся. — Поэтому и приехал.

Он отпустил мои руки. Медленно. Будто нехотя. Я осталась стоять, всё ещё сжав кулаки, но уже не бросалась. Просто смотрела на него, пытаясь понять, что чувствую. Злость не ушла. Она всё ещё кипела под кожей. Но где-то под ней, как подземная река, текла та самая запретная радость, которую я не могла признать.

Он здесь. После всего.

— Если ты наконец закончила меня бить, — сказал он, — давай поужинаем и поговорим.

Я не ответила.

— Ты пугаешь кота, — добавил он. — И заставляешь меня голодать.

Я смотрела на него. Он улыбался.

И я поняла, что проиграла.

5

Я стояла, сжимая кулаки, и смотрела на него.

Он сидел за моим столом, в моём доме, с таким видом, будто все эти месяцы я только и делала, что ждала его к ужину. Злость всё ещё кипела во мне, но я понимала: спорить бесполезно. Он не уедет. Не в эту бурю. Не сейчас. Он приехал, и теперь его не выставишь, как надоедливого гостя.

— Надеюсь, ты подавишься, — сказала я, направляясь к плите.

— Какая забота, — отозвался он. — Ты всегда умела выражать чувства.

Я с грохотом поставила тарелки на стол. Он даже не вздрогнул. Только откинулся на спинку стула, наблюдая за мной с той самой ленивой усмешкой, от которой у меня внутри всё переворачивалось.

— Мясо у тебя, смотрю, подгорело, — заметил он. — Впрочем, я не удивлён. Ты всегда была вспыльчивой. Даже еда боится твоего характера.

— Заткнись.

— А хлеб чёрствый? — Он приподнял бровь. — Или ты его специально для меня берегла?

— Я вообще не для тебя готовила.

— А для кого? — Он обвёл кухню взглядом. — Для кота?

Я резко обернулась.

— Для отца, — сказала я. — Если тебе так интересно. Он должен был вернуться сегодня, но остался в городе из-за бури.

— А, — Диамант кивнул, будто это всё объясняло. — Значит, ужин на двоих, и я занял его место. Очень кстати. Правда, боюсь, он не обрадуется.

— Ничего не кстати. Ты вообще не должен был здесь быть.

— И тем не менее, — он развёл руками, — я здесь. Сижу. Жду еды. Как старый друг семьи.

— Ты не друг.

— А кто? — Он ухмыльнулся. — Родственник?

Я задохнулась от возмущения.

— Ты…

В этот момент кот, до того тихо сидевший под столом, вдруг прыгнул.

Прямо на меня. Взлетел по ноге, по спине и устроился на плече, вцепившись когтями в воротник.

— Диамант, прекрати! — выкрикнула я.

Кот не шевельнулся.

А вот человек за столом поперхнулся.

Я обернулась. Он смотрел на меня. Секунда. Другая. А потом — захохотал. Громко. Открыто. Так, как смеялся редко, — по-настоящему, не сдерживаясь. Его плечи тряслись, голова откинулась, и в этом смехе было столько всего — удивление, восторг, какая-то безумная радость, — что я на мгновение забыла о злости.

— Ты назвала кота в мою честь? — выдохнул он, не переставая смеяться.

— Нет!

— Назвала! — Он хлопнул ладонью по столу. — Ты назвала кота Диамантом!

— Это просто совпадение!

— Совпадение? — Он заржал ещё громче. — Ты живёшь с котом, которого зовёшь моим именем! Ну, Сильвана, это даже для тебя слишком!

Я чувствовала, как горят щёки.

— Он… он чёрный, — бормотала я. — И наглый. Поэтому.

— Поэтому ты назвала его в честь меня? — Он всё ещё смеялся. — Или потому, что он спит с тобой?

— Он спит в ногах!

— Ну да, конечно.

— И он не в твою честь! — Я развернулась, пряча лицо. — Я… я не знаю, почему это имя пришло в голову. Просто у него такой взгляд. Как у тебя. Будто он здесь главный.

— Значит, точно в мою честь. — Он откинулся, довольный, как сытый змей. — Кот-Диамант. Звучит.

— Это не смешно.

— Это лучший комплимент, который ты мне сделала за всё время нашего знакомства.

— Я не делала тебе комплиментов!

— Сделала. Косвенно. Котом.

Я сжала ложку так, что пальцы побелели. Кот, будто почувствовав, что его обсуждают, заурчал и потёрся о мою щёку. Я осторожно сняла его, посадила на подоконник. Он обиженно спрыгнул и ушёл в гостиную.

— Не смей, — сказала я, не оборачиваясь.

— Что?

— Не смей делать из этого что-то.

— Я и не делаю. — Он всё ещё ухмылялся. — Это уже что-то. Готовое. Наглое. С усами.

— Замолчи.

— И имя ему дала ты. Не я.

— Я не специально.

— Ну да. Так я и поверил.

— Диамант…

— Что? — Он приподнял бровь. — Я весь внимание.

— Зачем ты приехал?

— Ужинать.

— Я серьёзно.

— Я тоже. — Он взял вилку, подцепил кусок мяса. — Дорога долгая. Проголодался.

— Ты проехал через всю страну, в бурю, на своей чёртовой машине, — сказала я. — И хочешь, чтобы я поверила, что дело в еде?

— А что, еда у тебя и правда неплохая, — он прожевал. — Почти съедобная.

— Почти?

— Ну, — он пожал плечами, — соль бы не помешала. И, может, чуть меньше ненависти.

— Ты её заслужил.

— Возможно. — Он не спорил. — Но я всё ещё голоден. И ты тоже. Так что можешь наложить и себе.

Я медленно выдохнула. Спокойно. Ещё раз. Ещё. Потом наложила еду. Села напротив.

— Я готовила для отца, — сказала я, глядя ему в глаза. — Он должен был вернуться. Но буря спутала планы.

— Значит, мне повезло, — он улыбнулся.

— Тебе всегда везёт.

— Не всегда. — Он смотрел на меня. — Иногда я сам создаю своё везение.

— И сейчас?

— И сейчас.

Он продолжал есть. Неторопливо. С удовольствием. Будто действительно приехал ради ужина.

И я, глядя на него, поняла, что злюсь уже не так сильно. Что-то тёплое, предательски тёплое, разливалось под рёбрами. Я ненавидела это чувство. И не могла от него избавиться.

— Зачем ты приехал? — спросила я снова.

Он поднял на меня взгляд.

— Ты знаешь, — сказал он.

— Нет.

— Знаешь.

— Я хочу услышать.

Он медленно откинулся на спинку стула, не сводя с меня глаз.

— Тогда, — сказал он, — я скажу. Но после ужина.

Я сжала вилку.

— Ты невыносим.

— И это тебе нравится.

Я не ответила.

Но отчего-то не могла отвести взгляд.

Диамант

1

Я откинулся на спинку кресла и закурил.

Втянул носом аромат вишнёвых сигарет. Он заполнял кухню, смешивался с запахом еды и снега, и на какое-то мгновение мне стало почти уютно.

Почти.

Потому что напротив сидела она — злая, взъерошенная, с горящими глазами. И это было лучше любого огня.

— Давай так, — сказал я, выпуская дым. — У тебя три попытки угадать, зачем я приехал. Если угадаешь — с меня приз.

— Мне ничего от тебя не надо, — отрезала она.

— Ну, — я усмехнулся, — это ты сейчас так говоришь. А потом передумаешь.

— Не передумаю.

— Посмотрим.

Кот — тот самый, с моим именем, — осторожно выглянул из-за стула.

Я поманил его. Он недоверчиво повёл усами, но подошёл. Я погладил. Он заурчал, потёрся о мою руку. Потом, осмелев, прыгнул на стол и сунул морду в мою тарелку.

— Ну и наглец, — сказал я. — Весь в тебя.

Сильвана сжала губы, но промолчала. Только взгляд стал ещё злее.

— Убери его, — попросила она.

— Он ест твой ужин.

— Пусть. У него хотя бы аппетит хороший.

— Это твоя тарелка.

— Уже нет.

Кот, будто поняв, что его не прогонят, деловито вылизывал мясо. Я смотрел на него с умилением, которое, признаться, сам от себя не ожидал. Впрочем, я всегда любил животных. Больше, чем людей.

— Как назвала, так и живёт, — заметил я. — Берёт своё. Не спрашивая.

— Это не про тебя.

— Конечно, не про меня. Меня хотя бы мясо из чужой тарелки не интересует.

— Зато интересует всё остальное.

— Что именно?

— Всё, что плохо лежит.

Я засмеялся. Негромко, но искренне.

— А ты, смотрю, за эти месяцы научилась огрызаться ещё лучше, — заметил я.

— У меня был хороший учитель.

— Разумеется.

Кот, доев, запрыгнул мне на колени, свернулся клубком. Я почесал его за ухом. Он зажмурился, как от высшего блаженства.

— Ему нравится, — сказал я.

— Он просто голодный.

— Или чувствует родственную душу.

— Ты и кот — это уже слишком.

— А по-моему, идеально. — Я выпустил дым. — Один берёт еду, второй — женщин. Оба чёрные. Оба с характером.

— Ты неисправим.

— И это уже не в первый раз за вечер.

— Потому что ты не меняешься.

— А зачем? Мне и так неплохо. Я вроде уже говорил об этом.

Она не выдержала.

— Как ты вообще узнал, где я? — спросила она, и в голосе звенела плохо скрытая боль.

Я затянулся. Выпустил дым. Посмотрел на неё.

— Роланд, — ответил я.

Она перестала есть.

— Роланд? — повторила она. — Он рассказал?

— Не сразу. — Я стряхнул пепел. — Пришлось… постараться.

— Ты пытал его?

— Нет. — Я усмехнулся. — Просто задал вопрос. И он понял, что я не отстану.

— Предатель, — прошептала она.

— Не вини его. — Я покачал головой. — Он не хотел говорить. Держался до последнего. Но когда узнал, зачем мне это, — раскололся.

— И зачем же? — Она подняла на меня глаза.

Я выдержал её взгляд.

— Потому что я люблю тебя, — сказал я.

Тишина.

Кот перестал мурлыкать. Снег за окном, кажется, перестал идти. Только сердце колотилось о рёбра — громко, как барабан.

Она смотрела на меня. А я — на неё.

И мне не хотелось ни шутить, ни язвить, ни прятаться за цинизмом.

Я сказал правду. И теперь ждал, что она с ней сделает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.